

МЕТАФИЗИКА СООТВЕТСТВИЯ: НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К КОРРЕСПОНДЕНТНОЙ ТЕОРИИ ИСТИНЫ

Фролов Константин Геннадьевич – кандидат философских наук, ассистент. Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина). 197376, Российская Федерация, Санкт-Петербург, улица Профессора Попова, д. 5; e-mail: konstantin-frolov@yandex.ru

В статье рассматриваются основные конкурирующие представления о категориальной структуре метафизических оснований корреспондентной теории истины. Анализируются возможные кандидаты на роль носителей истинности, в качестве которых могут выступать как отдельные предложения или выражаемые ими абстрактные пропозиции, так и убеждения агентов, понимаемые не как пропозициональные установки, а как их состояния. Затем мы переходим к исследованию потенциальных претендентов на роль факторов истинности – тех сущностей, которым призваны соответствовать носители, дабы быть истинными. В качестве таковых мы рассматриваем факты, ситуации, положения дел и простые совокупности индивидов. После чего мы предпринимаем попытку раскрыть понятие соответствия как функционального отношения интерпретации языковых выражений, где в качестве модели выступает некоторый фрагмент действительности. Мы показываем, как в простейших случаях такая функция интерпретации может быть построена операционалистски. Наконец, в заключение мы приводим некоторые размышления о значении корреспондентного подхода для всей реалистической философии и метафизики.

Ключевые слова: корреспондентная теория истины, когерентная теория истины, научный реализм, операционализм, интерпретация

METAPHYSICS OF CORRESPONDENCE: SOME APPROACHES TO THE CLASSICAL THEORY OF TRUTH

Konstantin G. Frolov – PhD in Philosophy, assistant lecturer. Saint Petersburg Electrotechnical University. 5 Professor Popov Str., Saint Petersburg, 197376, Russia; e-mail: konstantin-frolov@yandex.ru

The article examines main competing conceptions of the correspondence theory of truth. First, the author investigates possible candidates for the role of truth-bearers. Among those he examines following entities: instances of sentences as concrete sequences of symbols (sounds or letters), which should satisfy wide scope of requirements, such as to be grammatical, meaningful, affirmative and so on; abstract propositions, which are expressed by concrete sentences; utterances (either explicit or in *lingua mentalis*); beliefs of agents as their special mental states. Then he turns to the study of possible candidates for the role of truth-makers, i.e. of those entities to which truth-bearers should correspond to be true. He observes states of affairs, situations, facts and mereological sums of individuals. Then he shows that a notion of correspondence is a functional relationship of interpretation of linguistic expressions, where certain fragment of reality is taken as a model, i.e. as a finite set of elements on which some functions and relations can be operationally defined. He shows how in some simple cases such interpretation function

can be built in operationalist's manner. After that, he considers some natural objections to this approach, which point that he has no direct cognitive access to the actual world, so it is not possible to take its fragments as a model for any theory. Such objections lead us to the coherentist's approach, but he shows that the question about origin and status of so-called "specified set" implicitly either leads to infinite regress or requires certain correspondence on some level of investigation and reasoning. Finally, the author presents some reflections on the meaning of correspondence approach for scientific realism and all other versions of realistic philosophy and metaphysics.

Keywords: correspondence theory of truth, coherence theory of truth, scientific realism, operationalism, interpretation

Проблема истины, вопрос о природе и статусе этого понятия в системе философского и научного знания относится к числу традиционно волнующих умы отечественных философов. Еще в советское время были написаны такие значимые работы, как «Природа научной истины» Э.М. Чудинова [Чудинов, 1977] и «О философском значении семантического понятия истины» А.Л. Никифорова [Никифоров, 1969]. Среди важных исследований последних десятилетий отметим главу «Научный реализм и проблема истины» в монографии Л.Б. Макеевой «Язык, онтология и реализм» [Макеева, 2011]; главу «Понятие истины в философии науки XX века» в монографии А.Л. Никифорова «Философия науки: история и методология» [Никифоров, 1998]; главу «Понятие истины и его применение в аналитической философии», написанную М.В. Лебедевым для учебника под его редакцией [Лебедев, 2006]; сборник «Понятие истины в социогуманитарном знании» под редакцией А.Л. Никифорова [Никифоров, 2008], а также статьи уральских аналитиков Д.В. Анкина [Анкин, 2007] и Л.Д. Ламберова [Ламберов, 2011]. Именно в духе последних мы попытаемся в настоящей работе представить пусть и неполное представление о предмете, но всё же соответствующее новейшему, современному этапу развития аналитической философской мысли. Исчерпывающий исторический обзор по данной теме можно найти в [Куслий, 2008].

* * *

Ключевой идеей корреспондентного подхода, как известно, является то, что истина есть соответствие. Соответствие между чем и чем? Какие сущности, в частности, являются носителями истинности как свойства? Список возможных ответов достаточно велик и разнообразен, но первым и наиболее естественным кандидатом на эту роль являются отдельные предложения.

Предложения – это последовательности символов из конечного алфавита, удовлетворяющие ряду весьма различных по своей природе требований, ассоциируемых с понятием грамматической правильности.

Задачу выявления тех закономерностей, на основании которых одни последовательности символов признаются грамматически правильными выражениями, в то время как другие последовательности таковыми не являются, призвана решать такая дисциплина, как синтаксис (понимаемый как раздел науки лингвистики). Основным эмпирическим материалом для такой науки должны выступать отчеты носителей языка по поводу их базовых лингвистических интуиций относительно грамматической приемлемости тех или иных выражений. Таким образом, синтаксис – это эмпирическая наука.

Однако философский анализ показывает, что далеко не всякое грамматически корректное и понятное носителю языка высказывание является при этом осмысленным, т. е. способным иметь какое-либо истинностное значение. Например, предложение: «Семь – это самое совершенное число» являет собой именно такой пример грамматически правильного, но при этом бессмысленного с точки зрения естественного языка утверждения.

Уже на основании данного примера видно, сколь нетривиальным и сложным является понятие осмысленности. Именно здесь происходит максимальное сближение областей метафизики и семантики, о которых мы упоминали выше. Задача выявления критериев, на основании которых все грамматически корректные предложения соответствующего естественного языка можно было бы разделить на осмысленные и бессмысленные, оказывается едва ли разрешимой. Основная трудность, разумеется, заключается в отсутствии фиксированной интерпретации для всех используемых терминов. Каков объем предикатов «красивый», «большой», «дорогой» в естественном языке? Когда мы занимаемся собственно семантическими, техническими проблемами, то такого рода вопросы мы полагаем для себя решёнными, либо относящимися к другим областям знания. Не дело семантики, например, определять критерии красоты (если таковые существуют). Это предмет заботы эстетики.

Однако даже осмысленности грамматически правильных предложений может быть недостаточно для того, чтобы они имели истинностное значение. Требуется также, чтобы они были утвердительными и имели изъявительное наклонение. В противном случае (если мы имеем дело с вопросами, просьбами, восклицаниями и пр.) истинностная оценка оказывается неуместной, что отмечал еще Аристотель.

Затрудняет приписывание истинностного значения отдельному предложению и возможное наличие в нём индексных терминов, таких как в случае «Вчера был дождь». Дальнейший анализ влияния еще более тонких прагматических факторов – таких как юмор («Коло-

бок повесился» не следует считать ложным, причем не только потому, что «Колобок» является пустым термином, но и потому что его назначением вообще не является сообщить нечто истинно или ложное), метафорическое словоупотребление – ставит под сомнение целесообразность выбора предложений как носителей свойства истинности. Слишком нечеткими, размытыми оказываются критерии отбора тех последовательностей символов, которым можно приписать истинностные значения.

Каковы же альтернативы? Следующим возможным кандидатом на роль носителей истинности являются пропозиции, понимаемые как абстрактные сущности, которые выражаются конкретными (физически воплощенные) предложениями. «Санкт-Петербург севернее Москвы» и «Москва южнее Санкт-Петербурга» – это, безусловно два различных предложения, однако, по-видимому, они выражают нечто «одно и то же». Именно этим нечто и является пропозиция. Изначально теоретики пропозиций Б. Рассел и Дж. Мур разрабатывали теорию истинности как тождества – тождества истинных пропозиций и наличествующих фактов.

Основным препятствием на этом пути для них оказался вопрос о том, что же делать с ложными пропозициями. С точки зрения здравого смысла очевидно, что таковые имеют место (именно их выражают ложные предложения), однако их трудно с чем-либо отождествить во внешнем мире. Получалось, что существуют лишь истинные пропозиции, тождественные имеющимся фактам. Однако это противоречит нашим интуициям о единстве природы истинных и ложных пропозиций, проявляющейся в том числе и в том, что их порой столь непросто отличить друг от друга.

На определённом этапе Рассел был даже склонен отрицать существование пропозиций как избыточных сущностей, не позволяющих ничего прояснить. Однако позднее Витгенштейн в своем Трактате сформулировал вполне целостную концепцию соответствия структурированных пропозиций и фактов на основании общности их логической формы. Примечательно, что сами эти отношения соответствия по Витгенштейну уже не могут быть признаны фактами. Строго говоря, о них нельзя даже сказать, их можно лишь показать. Таким образом, семантика по Витгенштейну относится к сфере невыразимого.

С современной же точки зрения наиболее распространённым (хотя и не единственно возможным) подходом к понятию пропозиции является трактовка, при которой её следует понимать не как абстрактную структуру из имен и отношений, а, скорее, как функцию, имеющую некоторую область определения (множество возможных миров) и область значений (множество истинностных значений). Таким образом снимается проблема «несуществования ложных пропозиций». Пропозиции в принципе функционируют между мирами, т. е. в пре-

делах некоторого гиперуниверсума возможных миров. Тот факт, что в актуальном мире пропозиция имеет ложное значение, никак и ничем не препятствует ей существовать в этом универсуме. Аналогичным образом, отсутствие отца Гарри Поттера в актуальном мире не мешает существовать индивидуальному концепту отца Гарри Поттера, поскольку этот концепт также функционирует в гиперуниверсуме.

Основным недостатком подобного подхода является известная экстравагантность его онтологических допущений. Они являются той ценой, которую приходится платить за обретение вполне стройной концепции, в рамках которой получают конструктивные и элегантные ответы многие вопросы, казавшиеся ранее крайне сложными и запутанными. Однако не всем по душе подход, расширяющий онтологию бесчисленным множеством абстрактных сущностей.

Следующим кандидатом на роль носителей истинности являются убеждения. Еще со времен полемики Б. Рассела и П. Стросона по поводу ложности или бессмысленности утверждений с пустыми определёнными дескрипциями хорошо известен подход, альтернативный формальному, указывающий на тот факт, что знаки сами по себе, взятые вне контекста своего употребления, ничего не обозначают и ни на что не указывают. Лишь в рамках произнесений (явных или мысленных) осуществляется референция. Референция есть не отношение, но *акт* агента. Аналогично тезису о том, что «не пистолеты убивают людей, а одни люди убивают других людей» можно сформулировать иной тезис: «не предложения являются истинными или ложными, а люди, их высказывающие, имеют истинные или ложные убеждения и интенции».

Подобный подход имеет целый ряд преимуществ перед изложенными ранее, поскольку убеждения вовсе не обязательно трактовать в абстрактном ключе как модальные отношения между агентом и классами возможных миров. Убеждения вполне можно определять реалистически как ментальные (необязательно осознанные) состояния¹ агентов или как их диспозитивные свойства – склонность агентов поступать таким образом, как если бы содержание их убеждений имело место быть в действительности. В таком случае вопрос об истине приобретает явное праксиологическое измерение и становится вопросом о том, *какими нам следует быть*, каких взглядов нам стоит придерживаться. Подобный ход мысли, в конечном итоге, способен снять существенную часть метафизической затруднений за счет обращения к прагматическим концепциям истинности, выражаемых словами У. Джемса: «Понятие истины – это лишь компас, указывающий направление для нашего мышления, также как понятие правильности – это компас, указывающий направление для наших действий» [James, 1975, p. 106].

¹ Подробнее об убеждениях как состояниях см. [Cherniak, 2015].

Однако и недостатки у такого подхода также имеются. Как было уже упомянуто, убеждения могут быть как явными (искренне высказанными), так и неявными. Например, если некий Василий с вечера заводит будильник на обычное для него раннее время, то его домочадцы, наблюдая такую картину, могут в достаточной мере обоснованно предположить, что Василий полагает, что ему завтра нужно идти на работу. Василию вовсе не обязательно озвучивать в данном случае какое-либо суждение или даже проговаривать его про себя. Более того, подобное неявное убеждение может быть как истинным, так и ложным – например, в том случае если в действительности завтра у Василия выходной, о чем он элементарно забыл.

Заметим, что неявные убеждения, дабы быть intersubjectively воспринимаемыми, нуждаются в экспликации внешним интерпретатором на основании наблюдения поступков и действий анализируемого индивида. В то же время достаточно очевидно, что задача формулирования строгих процедур и критериев для такой однозначной экспликации представляется весьма затруднительной. В данном случае имеет значение и накопленный опыт интерпретатора, и характер его собственных убеждений, и степень информированности о подлинной структуре взглядов и мотивов интерпретируемого, и ряд иных факторов. А потому различные интерпретаторы, основываясь на собственных взглядах, ценностях и представлениях, при весьма ограниченном горизонте наблюдений за поведением интерпретируемого субъекта, могут в итоге прийти к различным, в том числе и противоположным выводам о характере его убеждений.

Но даже высказанные субъектом вслух суждения не являются гарантией наличия у него соответствующих установок в силу того, что реальные агенты легко способны проявлять неискренность. Таким образом, убеждения представляют собой весьма непростой с методологической точки зрения объект для изучения, и проблематика подобного рода должна являться предметом заботы скорее специалистов в области психологии и герменевтики, чем в сфере семантики или аналитической метафизики.

* * *

Рассмотрев основных кандидатов на роль носителей истинности (truth-bearers), перейдём теперь к анализу возможных факторов истинности (truth-makers²) – т. е. тех сущностей, которым и призваны соответствовать носители, дабы быть истинными. Важность их идентификации для целей нашего анализа определяется так называемым

² В данном случае мы используем перевод, предложенный Л.Д. Ламберовым [Ламберов, 2007].

принципом факторов истинности (truth-maker principle): «Для каждой истины есть нечто, что делает её истинной, у каждой истины есть некий фактор истинности» [David, 2009, p. 137]. Среди таковых рассмотрим лишь несколько основных претендентов, а именно: факты, ситуации, положения дел и простые совокупности индивидов, оставив за скобками более экзотические варианты типа событий или тропов.

Положения дел – это то, что выражается элементарными пропозициями, т. е. это либо присущность некоторого внутреннего свойства некоему возможному индивиду, либо наличие определённых реляционных свойств у упорядоченных пар, троек и других последовательностей возможных индивидов – например наличие у упорядоченной пары <Санкт-Петербург, Москва> реляционного свойства «для а быть севернее, чем б».

Ситуация – это то, что выражается сложной пропозицией. Например, такой: «либо у пациентки N родился мальчик, либо у неё родилась девочка».

Наконец, фактом является всякая ситуация, которая имеет место в актуальном мире. Поскольку элементами ситуаций могут быть в том числе такие положения дел, которые не имеют место в действительности, получается, что многие факты, из которых состоит мир, (такие как, например, вышеприведённый факт о пациентке N) частично состоят из того, что не имеет места. Это само по себе весьма неприятное заключение. Поэтому некоторые исследователи, в том числе такой авторитетный специалист в области метафизики как Д. Армстронг, предпочитают в данном вопросе занимать позицию актуализма (эрзац-реализма), согласно которому существуют лишь факты, и именно наличествующие факты являются факторами (мэйкерами) истин; никаких «лишь возможных» положений дел не существует – в противовес пессимизму, занимающему противоположную точку зрения.

Однако нам бы хотелось сохранить за возможными положениями дел статус факторов истинности, дабы сохранить за ложными предложениями или убеждениями статус содержательных, на что-то указывающих, репрезентирующих. Допустим у нас есть утверждение (убеждение): «Волга впадает в Черное море». Что является его содержанием? Если мы полагаем существующими лишь факты, то среди всего существующего не найдётся того, что можно было бы назвать содержанием данного предложения.

Ситуация вполне изоморфна проблеме поиска Василием некоего индивида, например лошади Сивки. Если Сивка существует, то именно её ищет Василий, если же её уже съели волки, то поиск Василия оказывается бессодержательным. Поскольку не существует той, про кого можно было бы сказать, что именно её ищет Василий, то получается, что он никого не ищет, что в значительной мере не соответствует нашим интуициям.

Гораздо более естественно говорить о том, что Василий в случае поиска уже съеденной Сивки ищет то, чего не существует, а в случае полагания, что Волга впадает в Черное море, верит в то, чего не имеет места быть. При этом обе формулировки отсылают, соответственно, в первом случае – к лишь возможному индивиду, а во втором – к лишь возможному положению дел.

Кроме того, нам не хотелось бы занимать позицию актуализма еще и с той целью, дабы не возникало никаких оснований интерпретировать связь между свидетелем истины и её носителем как каузальную, т. е. заключающуюся в том, что факты своим существованием *делают* некоторые предложения/пропозиции/убеждения истинными. Как отмечает по этому поводу сам Д. Армстронг, «в пределах реальности имеется нечто, независимое от рассматриваемого выражения, что делает истину истиной (which makes the truth true). “Делает”» в данном случае, разумеется, не следует понимать в каузальном смысле. Наилучшей формулировкой того, что представляет собой это “деланье”, видится фраза “в силу того, что” (in virtue of). Именно в силу того, что имеет место определенный фрагмент действительности, некоторое выражение истинно» [Armstrong, 2004, p. 5]. Такую оговорку, на наш взгляд, трудно признать достаточной. В самом деле, если мы сузим понимание фактов до сферы наличного, конкретного, и при этом примем в качестве носителей истинности также конкретные сущности типа последовательностей символов или состояний агентов, то обе стороны в нашем отношении соответствия окажутся физически воплощенными, после чего трудно будет отрицать, что в случае наличия такого соответствия между фактами и предложениями (убеждениями) оно является ничем иным как реляционным свойством, а его существование, соответственно, фактом. Семантические отношения, отношения соответствия становятся частью физического мира, что сложно признать удовлетворительным.

Иным претендентом на роль факторов истинности являются отдельные индивиды или их простые совокупности. В элементарных случаях всё весьма очевидно: что делает истинным утверждение/пропозицию/убеждение «Василий спит»? Разумеется, этим «нечто» в данном случае является сам Василий. Что делает истинным утверждение «Санкт-Петербург находится севернее Москвы»? Ответ: пара (неупорядоченная³) городов – {Санкт-Петербург, Москва}. Что делает истинным убеждение «Все киты – млекопитающие»? Ответ: множество всех актуально существующих китов.

³ Порядок в данном случае не имеет значения, поскольку выше мы видели, что «Санкт-Петербург севернее Москвы» и «Москва южнее Санкт-Петербурга» выражают одну и ту же пропозицию (также как и «Брут убил Цезаря» и «Цезарь был убит Брутом»). Именно её и «делает» истинной простой набор двух индивидов.

Казалось бы всё просто: факторами истинности всякий раз являются совокупности элементов некоего домена. При этом в качестве такового всякий раз следует брать актуальный мир. В чем же затруднение?

Основная проблема заключается в том (и это ключевая особенность корреспондентного подхода как такового), что мы бы хотели рассматривать актуальный мир в качестве модели для нашего языка. Что для этого требуется? Требуется, чтобы актуальный мир был множеством индивидов с определёнными на нём значениями функторов и предикатов. Если эти условия окажутся выполнены, то мы сможем говорить об истинности как *конгруэнтности*, т. е. общности логической формы носителей и факторов истинности. Как отмечает Р. Киркхэм, «теория соответствия как конгруэнтности утверждает наличие структурного изоморфизма между носителями истинности и теми фактами, которым эти носители призваны соответствовать. <...> В самом деле, именно по причине такого изоморфизма носители истинности и факты и могут признаваться соответствующими друг другу (can be said to correspond with each other)» [Kirkham, 1992, p. 119].

Что ж, посмотрим, в какой мере указанные выше условия можно считать выполненными. На вопрос о том, является ли актуальный мир множеством, пожалуй, можно отвечать по-разному в зависимости от личных метафизических установок. Например:

– нет, потому что множество есть абстрактная категория, важная для осуществления мыслительной деятельности человека, но не имеющая непосредственных аналогов в актуальном мире, «множество не существует»;

– да, потому что мир, по всей видимости, состоит из конечного числа элементов, а всё, что является конечным, является множеством (теорема теории множеств Гёделя-Бернаиса с предикатом «быть множеством» – «sethood»);

– неизвестно, потому что у нас нет и не может быть никакого прямого когнитивного доступа к актуальному миру;

– вопрос следует отнести к числу бессмысленных в силу эмпирической неопределяемости рассматриваемых терминов, и соответственно, неverifiedируемости и нефальсифицируемости утверждения.

Так или иначе, но если в рамках корреспондентного подхода мы исходим из того, что физическая реальность, существующая независимо от познающих её агентов, является моделью для интерпретации наших суждений, то домен такой модели должен определять онтологию актуального мира, т. е. в полном соответствии с простейшим определением онтологии он должен быть списком всего существующего.

Очевидно, что вопрос о том, что именно входит в этот список, а что в него включать не следует, является одной из ключевых проблем философии. Существуют ли инфляция и безработица, натуральный ряд и число пи, Шерлок Холмс и самое большое простое число,

моменты времени и возможности будущих событий, хрупкость хрустальной вазы и её синева, сознания людей и законы природы? Если некоторые из перечисленных сущностей существуют, то входят ли они в вышеуказанный список как нередуцируемые сущности, нетождественные совокупностям каких-либо элементов базового уровня? Существуют ли некоторые из них сверх и помимо элементов базисного уровня? Способно ли понятие супервентности помочь в решении этих вопросов? Занимаясь этими проблемами, многие из которых имеют решающее значение для жизнеспособности корреспондентного подхода, мы вынуждены иметь дело одновременно и с метафизическими, и с семантическими аспектами.

С вопросом же об определённости функторов и предикатов ситуация еще сложнее. С одной стороны, наши интуиции говорят о том, что объемы некоторых предикатов, таких как «имеющий длину 2 метра», задаются внешним миром, без чего в принципе было бы невозможно эмпирическое познание действительности (а мы всё же склонны полагать, что оно возможно). Однако столь же очевидно, что объемы далеко не всех предикатов могут быть однозначно операционалистски⁴ определены внешним миром. Соответственно, утверждения/убеждения «Василий симпатичный», «Василий справедливый» и т. п. если и являются истинными в каком-либо смысле, то отнюдь не только лишь в силу того, что сам Василий «делает» их истинными. Истинными их «делает» скорее выбранная модель интерпретации.

* * *

Рассмотрев природу возможных кандидатов на роль носителей и факторов истинности, перейдём теперь к анализу *связи* между ними в рамках современного корреспондентного подхода. Выше мы уже видели, что наша цель – определить фрагмент актуального мира в качестве модели для совокупности пропозиций, выражаемых осмысленными предложениями определённого рода. Множества таких предложений образуют теории.

Каково отношение между теориями и моделями? Вполне естественно говорить о том, что это отношение интерпретации. Интерпретация – понятие, ранее не уточнявшееся в нашем изложении, но именно оно призвано раскрыть суть того отношения соответствия, на котором основывается корреспондентный подход⁵. Поэтому теперь нам следует остановиться на нём подробнее.

⁴ Подробнее об операционализме в философии физики см. классическую работу П. Бриджмена [Bridgman, 1927].

⁵ Впрочем, спектр возможных подходов к понятию соответствия в действительности куда шире. Так, например, Лоуи полагает целесообразным понимать его как «отношение сущностной зависимости (essential dependence) между пропозицией

Как хорошо известно, всякая модель M теории Th – это пара $\langle D, f \rangle$, где D – некое множество элементов (домен), а f – некая функция (функция интерпретации). Устройство этой функции с формальной точки зрения достаточно сложно: областью её определения является объединение множеств индивидуальных, функциональных и предикатных констант, а областью значений объединение домена и множества всех подмножеств его конечных степеней, не больших местности самого многоместного предиката. В свою очередь, функция интерпретации представляет собой подмножество декартова произведения её области определения и области значений.

В сущности же, функция интерпретации представляет собой множество упорядоченных пар, где на первом месте стоит индивидуальная константа, n -местный функтор или n -местная предикатная константа, а на втором – либо элемент домена, либо подмножество некоторой его декартовой степени.

Если у нас имеется в наличии подобная функция, далее процесс установления истинностных значений всех осмысленных языковых выражений определённого рода оказывается сравнительно простой вычислительной процедурой. С философской точки зрения вопрос заключается в том, действительно ли мы располагаем такой функцией и если да, то откуда мы её берём?

Вообще говоря, отвечать утвердительно на первый вопрос нет необходимости, даже несмотря на факт наличия коммуникативных практик. В самом деле, то, что мы являемся носителями некоторого языка еще не означает, что мы знаем, что такое «красный», что такое «оптимальный выбор между x и y » и уж тем более, что такое «истинно». Подобная точка зрения находит своё наиболее яркое воплощение в концепции экспрессивизма П. Стросона [Strawson, 1950], традиционно сравниваемого с эмотивизмом в этике. Основная идея заключается в том, что целью всякой коммуникативной практики является воздействие на собеседника, и это воздействие происходит способом, далёким от вычислительного. В рамках такого взаимодействия мы обмениваемся не абстрактными пропозициональными содержаниями, а интенциями. Мы подаём сигналы с тем, чтобы координировать свои действия с другими членами сообщества, и именно в этом заключается основное предназначение языка. Здесь же уместно вспомнить и об идеях позднего Витгенштейна: о понятии языковой игры, о концепции семейных сходств и о проблеме следования правилу, которые в своём единстве крайне затрудняют задачу построения универсальной семантики естественного языка.

и её фактором истинности» [Lowe, 2009, p. 201]. Он же отмечает, что «преимущество такого подхода состоит в том, что он опирается на теорию сущности, которая, весьма возможно, необходима в любом случае для удовлетворительного анализа понятий модальной истины и модального знания» [Lowe, 2009, p. 201]. Это интересный подход, но мы, к сожалению, вынуждены оставить его в данном случае вне рассмотрения.

В действительности же подобный подход, отрицающий наличие у нас четких моделей интерпретации утверждений, выступает не только против теории истинности как соответствия, но и вообще против всякой позитивной теории истины. Совокупность весьма разнородных концепций, разделяющих такую общую негативную установку, принято называть дефляционистскими.

Возвращаясь к поставленной выше проблеме происхождения функции интерпретации, следует отделить вопрос о наличии у нас такой функции от более слабой гипотезы о потенциальной возможности её построения. Пусть мы хотим операционалистски построить функцию интерпретации для языка с конечным множеством индивидуальных констант и единственным функтором отец(x), т. е. мы хотим построить такую функцию, которая при подстановке в неё имени индивида, указывала бы на его носителя, а при подстановке в неё функтора – выдавала бы множество упорядоченных пар индивидов, в которых второй индивид является отцом первого.

Для начала проведём генетические исследования каждого имеющегося индивида и выпишем ему паспорт с уникальным генетическим кодом. Затем последовательно проведём исследования всех пар геномов на предмет отцовства и соберём каталог отчетов о таких исследованиях. В каждом отчете будет стоять число – т. н. вероятность отцовства. Условимся считать, что b является отцом a , если соответствующее число в отчете о сопоставлении их геномов выше порогового значения N .

Выбор N должен быть осуществлён таким образом, чтобы соблюдались два условия: каждый индивид должен иметь хотя бы одного отца, и у каждого индивида должно быть не более одного отца. Вопрос о том, найдётся ли такое N , в полной мере удовлетворяющее обоим требованиям – целиком и полностью эмпирический. Безусловно, если такое N подобрать не удастся, это существенно затруднит задачу операционалистского построения интуитивно приемлемой интерпретации функтора отец(x). Однако наша задача была в данном случае показать саму *гипотетическую возможность* решения подобной задачи.

Теперь, задаваясь вопросом, кто из имеющихся в нашем распоряжении индивидов является, например, Дмитрием Буренко, мы должны найти владельца паспорта с таким именем, и если у нас есть сомнения в том, что перед нами действительно Дмитрий Буренко, мы можем провести генетическую экспертизу и сравнить геном «пойманного» индивида с геномом, указанным в паспорте. Схожие действия с применением базы отчетов об отцовстве позволят нам получить значение функтора отец(x) как множества упорядоченных пар индивидов. Требуемая функция (как подмножество декартова произведения её множества определения и множества значений) построена. Это озна-

чает, что моделью для множества правильно построенных выражений нашего языка вида «а – отец b» может выступать фрагмент действительности – множество индивидов как элементов физического мира с определённым на нём значением функтора.

Что может сказать на это убеждённый критик корреспондентного подхода? Вероятно, в первую очередь он указал бы на тот факт, что фактором истинности утверждения «Григорий Буренко является отцом Дмитрия Буренко» выступает отнюдь не простая пара индивидов, и даже не тройка <Григорий Буренко, Дмитрий Буренко, X>, где X – число в отчете о сопоставлении их геномов, как нам бы того хотелось. В фактор истинности в данном случае следует включить весь предмет науки генетики как совокупность законов природы определённого рода. Существование таких законов являет собой отдельную проблему метафизики, которой мы в данном случае не хотели бы касаться. Тогда, будучи сформулированными в языке, такие законы представляли бы собой теорию как множество неких утверждений, и наше гипотетическое знание такой теории и вера в неё были бы одними из тех оснований, по которым мы бы признали анализируемое утверждение истинным (или ложным).

Более того, в перечень оснований для признания его истинным следует также включить наше убеждение в том, что в отчете указано именно число X. Ведь мы могли ошибиться, случайно приняв, например, 38 за 98, что в свою очередь могло повлиять на построение функции интерпретации функтора отец(x). Таким образом, построив данную функцию, мы построили «что-то своё» и отнюдь не сумели «выйти» за границы собственного восприятия и проследить объективные основания соответствия между некоторыми утверждениями и фрагментами действительности.

Вообще говоря, приведённые выше доводы хорошо известны, по крайней мере, со времён О. Нейрата и К. Гемпеля, чьи взгляды на природу истины вполне целесообразно ассоциировать с когерентным подходом. Если в рамках корреспондентной теории мы увязываем истинность с неким соответствием, то в случае когерентного подхода в аналогичной роли выступает понятие согласованности – согласованности с уже имеющимся множеством носителей истинности (высказываний или убеждений).

Также как и соответствие, согласованность можно понимать по-разному. Например, так: p согласовано с множеством Th если и только если p выводимо из Th. Таким образом, отождествив истинность с согласованностью, а согласованность с выводимостью (обозначаемой в метаязыке так называемым «одинарным штопором»), мы получаем в итоге типично формалистское понимание истинности в духе Давида Гильберта или Хаскелла Карри: «Что значит, что элементарное утверждение ложно? А что значит, что оно истинно? Элементарные теоремы

образуют индуктивный класс, и элементарное утверждение принадлежит этому классу в точности тогда, когда имеется его конструкция, т. е. формальное доказательство» [Сурт, 1951, р. 150].

Подобный формалистский подход имеет целый ряд несомненных достоинств, однако главная его проблема – объяснить не столько согласованность наших научных представлений о мире между собой, сколько их согласованность с нашей практикой, и тем самым объяснить наши очевидные успехи в освоении и преобразовании внешнего мира, которое мы осуществляем с опорой на имеющиеся в нашем распоряжении теории.

Заключение

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о том, какое значение понятие истины, и, в частности, корреспондентное её понимание, имеет для современных метафизических дискуссий. Как пишет А.Л. Никифоров, «Кризис классической науки в конечном счете нашел выражение в кризисе традиционных гносеологических представлений, о чем и свидетельствуют дискуссии вокруг понятия истины, не прекращающиеся на протяжении всего XX столетия. Было бы, конечно, интересно посмотреть, нельзя ли обойтись без этого понятия в ограниченной области гносеологических и логико-методологических проблем. Мне же представляется более продуктивным путь дальнейшей разработки и уточнения классической концепции истины – уточнения идеи соответствия для различных видов научных предложений, уточнения смысла понятия истины для естественных и общественных наук» [Никифоров, 1998, с. 228]. В рамках представленного выше анализа мы руководствовались именно этими соображениями.

Список литературы

- Анкин, 2007 – Анкин Д.В. Объективность истины и познания в контексте реляционности значения и существования // Эпистемы. 2007. № 5. С. 133–140.
- Куслий, 2008 – Куслий П.С. Понятие истины в аналитической философии // Понятие истины в социогуманитарном знании / Под ред. А.Л. Никифорова. М.: ИФ РАН, 2008. С. 55–77.
- Ламберов, 2007 – Ламберов Л.Д. Статьи из SEP (Stanford Encyclopedia of Philosophy). Пояснения к переводу // Эпистемы. 2007. № 5. С. 141–146.
- Ламберов, 2011 – Ламберов Л.Д. Дефляционные теории истины: проблема обобщенного определения // Сибир. филос. журн. 2011. Т. 9. № 3. С. 13–19.
- Лебедев, 2006 – Аналитическая философия / Под ред. М.В. Лебедева. М.: РУДН, 2006. 624 с.

Макеева, 2011 – *Макеева Л.Б.* Язык, онтология и реализм. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. 311 с.

Никифоров, 1969 – *Никифоров А.Л.* О философском значении семантического понятия истины // *Филос. науки.* 1969. № 2. С. 34–52.

Никифоров, 1998 – *Никифоров А.Л.* Философия науки: история и методология. М.: Дом интеллектуал. Кн., 1998. 280 с.

Никифоров, 2008 – Понятие истины в социогуманитарном знании / Под ред. А.Л. Никифорова. М.: ИФ РАН, 2008. 212 с.

Чудинов, 1977 – *Чудинов Э.М.* Природа научной истины. М.: Политиздат, 1977. 312 с.

Armstrong, 1989 – *Armstrong D.M.* A Combinatorial Theory of Possibility. N. Y.: Cambridge University Press, 1989. 158 p.

Armstrong, 2004 – *Armstrong D.M.* Truth and Truthmakers. N. Y.: Cambridge University Press, 2004. 172 p.

Bridgman, 1927 – *Bridgman P.W.* The Logic of Modern Physics. N. Y.: Macmillan, 1927. 242 p.

Cherniak, 2015 – *Cherniak A.* Belief Content and Belief State // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2015. Т. 45. № 3. С. 98–117.

Curry, 1951 – *Curry H.B.* Formalist Philosophy of Mathematics. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1951. 75 p.

David, 2009 – *David M.* Truth-making and Correspondence // *Truth and Truth-making / Ed. by E.J. Lowe and A. Rami.* Stocksfield: Acumen Press, 2009. P. 137–157.

James, 1975 – *James W.* Pragmatism: A New Name for some Old Ways of Thinking. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1975. 142 p.

Kirkham, 1992 – *Kirkham R.L.* Theories of Truth. Cambridge MA: MIT Press, 1992. 401 p.

Lowe, 2009 – *Lowe E.J.* An Essentialist Approach to Truth-making // *Truth and Truth-making / Ed. by E.J. Lowe and A. Rami.* Stocksfield: Acumen Press, 2009. P. 201–216.

Strawson, 1950 – *Strawson P.* Truth // *Proceedings of the Aristotelian Society.* 1950. Vol. 24. P. 111–56.

References

Ankin, D. V. “Ob’ektivnost’ istiny i poznaniya v kontekste relyatsionnosti znacheniya i sushchestvovaniya” [Objectivity of truth and knowledge in the context of relational character of concepts and existence], *Episteme*, 2007, no. 5, pp. 133–140. (In Russian)

Armstrong, D. M. *A Combinatorial Theory of Possibility.* New York: Cambridge University Press, 1989. 158 pp.

Armstrong, D. M. *Truth and Truthmakers.* New York: Cambridge University Press, 2004. 172 pp.

Bridgman, P. W. *The Logic of Modern Physics.* New York: Macmillan, 1927. 242 pp.

Cherniak, A. “Belief Content and Belief State”, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2015, Vol. 45, no. 3, pp. 98–117.

- Chudinov, E. M. *Priroda nauchnoi istiny* [The nature of scientific truth]. Moscow: Political Literature Publ., 1977. 312 pp. (In Russian)
- Curry, H. B. *Formalist Philosophy of Mathematics*. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1951. 75 pp.
- David, M. "Truth-making and Correspondence", in: E. J. Lowe and A. Rami (eds.). *Truth and Truth-making*. Stocksfield: Acumen Press, 2009, pp. 137–157.
- James W. *Pragmatism: A New Name for some Old Ways of Thinking*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1975. 142 pp.
- Kirkham, R. L. *Theories of Truth*. Cambridge, MA: MIT Press, 1992. 401 pp.
- Kusliy, P. S. "Ponyatie istiny v analiticheskoi filosofii" [The concept of truth in analytic philosophy], in: A. L. Nikiforov (ed.). *Ponyatie istiny v sotsiogumanitarnom znanii* [The concept of truth in socio-humanitarian knowledge]. Moscow: IPhRas Publ., 2008, pp. 55–77. (In Russian)
- Lamberov, L. D. "Stat'i iz SEP (Stanford Encyclopedia of Philosophy). Poyasneniya k perevod" [Entries from SEP (Stanford Encyclopedia of Philosophy). Notes to translation], *Episteme*, 2007, no. 5, pp. 133–140. (In Russian)
- Lamberov, L. D. "Deflyatsionnye teorii istiny: problema obobshchennogo opredeleniya" [Deflationary theory of truth: the problem of generalized definition], *Sibirskii filosofskii zhurnal*, 2011, vol. 9, no. 3, pp. 13–19. (In Russian)
- Lebedev, M. V. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya* [Analytical Philosophy]. Moscow: RUDN Publ., 2006. 624 pp. (In Russian)
- Lowe, E. J. "An Essentialist Approach to Truth-making", in: *Truth and Truth-making* /Ed. by E. J. Lowe and A. Rami. Stocksfield: Acumen Press, 2009, pp. 201–216.
- Makeeva, L. B. *Yazyk, ontologiya i realism* [Language, Ontology and Realism]. Moscow: HSE Publ., 2011. 311 pp. (In Russian)
- Nikifirov, A. L. "O filosofskom znachenii semanticheskogo ponyatiya istiny" [On philosophical meaning of semantic concept of truth], *Filosofskie nauki*, 1969, no. 2, pp. 34–52. (In Russian)
- Nikiforov, A. L. *Filosofiya nauki: istoriya i metodologiya* [Philosophy of Science: History and Methodology]. Moscow: DIK, 1998. 280 pp. (In Russian)
- Nikiforov, A. L. (ed.) *Ponyatie istiny v sotsiogumanitarnom znanii* [The concept of truth in socio-humanitarian knowledge]. Moscow: IPhRas Publ., 2008. 212 pp. (In Russian)
- Strawson, P. F. "Truth", *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1950, vol. 24, pp. 111–56.